

Епископ Клеменс Пиккель:

«Моя епархия – самая красивая в мире»

Вот уже более двух десятилетий епископ Клеменс Пиккель возглавляет епархию, которая по площади превосходит Францию, Испанию, Португалию и Германию вместе взятые.

Его епархия Святого Климента в Саратове охватывает большую часть Юга России, простираясь от Кавказа до Уральских гор. Тем не менее, он обслуживает всего около 20000 католиков.

Епископ Клеменс Пиккель был вторично избран президентом Конференции католических епископов России 18 марта текущего года.

ЛЮК КОППЕН, «THE PILLAR», 09 июня 2026 г.

Вопрос: Вы родились в коммунистической Восточной Германии в 1961 году. Как родилось Ваше призвание к священству в культуре, где религиозные убеждения широко не поощрялись?

Ответ: Да, религиозная вера не поощрялась, а наоборот. В этом Вы правы. Но в ГДР не было гонений на Церковь. Никто не был заключен в тюрьму за свою веру. Молодым людям, активно исповедующим христианство, обычно отказывали в приёме в ВУЗы, но это было едва ли не худшее, что могло там случиться с человеком из-за его религиозных убеждений.

По сравнению с западной половиной Германии мы, естественно, считали себя ущемлёнными в правах, но мы почти ничего не знали о том Крестном Пути, через который проходили наши братья и сёстры, живущие дальше на востоке.

Поначалу мне казалось, что тот факт, что Христос призвал меня стать священником, касается только нас двоих: Его и меня. Только со временем я осознал, как много людей стояло рядом на этом пути, который мы называем призванием.

Верующие родители, ежедневная вечерняя молитва, которую мы с детства вместе читали дома, добрые пастыри, которые навещали нас несмотря на то, что мы были единственной католической семьёй в деревне, а может как раз *потому*, что мы были единственной католической семьёй в деревне... Это был маленький мир, в котором Бог и святые занимали прочное место.

Мой ответ на вопрос епископа-помощника, когда речь зашла о моём поступлении в семинарию, был таким: «Я хочу стать священником, потому что чувствую себя в Церкви как дома и хочу поделиться этим со многими другими». – Конечно, мотивацию нужно очищать и укреплять, но для начала этого было достаточно.

Позже наступили восемь лет парализующего сомнения, в течение которых Бог позволял мне блуждать, но никогда не позволял упасть. Там также были и люди, которым я был обязан тем, что не сдался: мои ровесники из тогдашней Чехословакии, которые, пребывая в подполье, мужественно отстаивали свою бескомпромиссную веру; известный профессор теологии, который уделял мне так много своего драгоценного времени; мои терпеливые родители и многие другие.

Вопрос: Почему в 1990 году Вас отправили служить в Советский Союз? И каково это было?

Ответ: Я сам попросил, чтобы мне разрешили поехать. В то время ГДР была закрытой страной. В отличие от других западноевропейских стран, из наших

восточногерманских епархий практически не направляли миссионеров или семинаристов за границу.

В августе 1989 года я попросил епископа в Дрездене отпустить меня для осуществления пастырской деятельности в Советском Союзе — то есть ещё до падения Берлинской стены, в очень беспокойное время. Чтобы обосновать свою просьбу, я выучил наизусть Канон 271 Кодекса канонического права.

Я видел себя не миссионером, а пастырем для людей, которые десятилетиями ждали приезда священника. И епископ согласился.

Дружба по переписке с депортированными поволжскими немцами, которая была у меня с 1979 года, когда одна пожилая женщина из СССР приезжала в Германию и раздавала адреса в надежде установить контакт с Церковью, привела к моей первой поездке за Железный занавес.

Та бабушка вполне серьёзно спросила нас: «Святейший Отец в Риме — он всё ещё существует?» В тот вечер я впервые почувствовала, насколько изолированными были христиане в Советском Союзе на протяжении многих поколений: без священника, без Церкви, без Библии, без религиозных наставлений.

Итак, начиная с 1 августа 1990 года, я смог провести три года с этими людьми, которые до этого десятилетиями собирались по воскресеньям на кладбищах для молитвы и быстро разбегались при появлении любого незнакомца, потому что церковные собрания были запрещены и карались.

Честно говоря, я испытывал некоторую гордость, потому что помогал в том, что никто другой, кроме священника, не смог бы сделать. Я был востребован как священник: на исповеди, на Евхаристии.

Однако уже спустя некоторое время мне пришлось признаться своей совести: эти верующие помогли мне больше, чем я мог помочь им. В их жизни вера, несомненно, стояла на первом месте. Да, немногим из них удалось пережить тяжёлые времена и при этом сохранить веру. Это были замечательные люди, которым пришлось пройти через невообразимые страдания. Сами того не подозревая, они научили меня без страха говорить: «Я люблю Церковь». От них я научился многому, о чём никогда не слышал в семинарии, но что теперь стало важным для моего священства.

В апреле 1991 года, когда Советский Союз уже рассыпался, Папа Иоанн Павел II назначил первых двух епископов для России. Это ознаменовало начало возрождения церковных структур в стране. Епископ, назначенный для Азиатского региона, отец Иосиф Верт SJ только начал строить церковь на том самом месте, откуда Сталин депортировал немцев в 1941 году. Выжившие возвращались на Волгу, исполненные надежды. «Ведь там есть священник!» – говорили они.

Епископ Верт попросил меня переехать из таджикского Душанбе на Волгу, чтобы продолжить начатое им дело. Это было время новых начинаний, полное радости и надежды, несмотря на то, что впереди ещё были годы экономического кризиса.

Большинство католиков, с которыми я встречался, были немцами по национальности. Это связано с императрицей Екатериной II, которая сама была немкой и пригласила своих соотечественников в Российскую империю во второй половине XVIII века.

Когда в 1991 году распался Советский Союз (Рождество 1991) и рухнул Железный занавес, большинство из них воспользовались возможностью вернуться на родину своих предков. Наши возрождённые приходы начали «истекать кровью» – численно сокращаться, но в то же время становились более русскоязычными и многонациональными. (В России проживает более 190 этнических групп.)

Поскольку образ семьи является частью нашего понимания Церкви — мы братья и сёстры, — и это особенно очевидно на практике в регионах диаспоры, наши небольшие католические общины обладали определённой привлекательностью, которая в сочетании с нашей интенсивной благотворительной деятельностью едва не привела нас к краху: нас обвиняли в прозелитизме, в «вербовке» людей.

Вопрос: Вы были рукоположены в сан епископа в 1998 году, в необычайно молодом возрасте – 36 лет. Как Вы думаете, почему на Вас так рано возложили такую ответственность?

Ответ: Причина проста. После того как два епископа, назначенные в 1991 году, через несколько лет стали просить в Риме о назначении вспомогательных епископов, начались поиски кандидатов.

Список кандидатов был невелик. Возможно, мне приписывали заслуги, которые на самом деле были результатом самоотверженного служения местных монахинь, с которыми я имел честь служить.

В любом случае, Папа Иоанн Павел II — как могло быть иначе? — не был посвящён во все подробности. Когда я впервые посетил его через четыре месяца после моей епископской хиротонии, он сказал (по-русски) с улыбкой: «Надо же, такой молодой епископ!» И я продолжил шутку в ответ: «Ну, это не моя вина...»

Вопрос: Почему существует такая тесная связь между Католической Церковью в России и Церковью в Германии?

Ответ: Во-первых, Католическая Церковь в Германии помогает церковным общинам во многих частях света. Готовность жертвовать, даже несмотря на то, что сейчас по понятным причинам она снижается, является очень позитивным признаком открытости глаз и сердец многих людей в Германии. *Adveniat, Missio, Caritas, Kindermission, KircheinNot, Renovabis...* Мы очень благодарны этим организациям за оказываемую ими помощь.

Разделение Германии после Второй мировой войны также сыграло свою роль. На протяжении более 40 лет Восточная Германия находилась под советским влиянием. Это создало особую — хотя и нежелательную для многих — близость с Советским Союзом. Духовенство, особенно из бывшей ГДР, уже в 1970-х годах пыталось поехать в СССР: в Центральную Азию, Сибирь и на Кавказ, чтобы установить контакт с немецкими католиками, привезти Библии и молитвенники и многое другое.

В настоящее время у нас в России три епископа немецкого происхождения. Контакты с эмигрантами из российских немцев — как и их история в целом — играют значительную роль.

Столь же тесные связи у Католической Церкви в России с церквями в Польше, США и Италии. В России служит ряд священников и монашествующих из этих стран, а кроме того их поместные церкви оказывают нам материальную поддержку.

В то же время, мы не можем не сознавать, насколько нестабильными и хрупкими эти связи становятся в текущей ситуации.

Вопрос: Вы возглавляете епархию Святого Климента в Саратове с 2002 года. Как бы Вы описали эту епархию католику, живущему, скажем, в Соединенных Штатах?

Ответ: Я никогда не был в США, так что вряд ли смогу это сделать. На собрании 100 епископов со всего мира, незадолго до начала нового тысячелетия, американский кардинал представил меня остальным со словами: «А это наш Вениамин [младший брат – прим. ред.] из России. Он страдает, потому что у него нет курии, но я говорю ему: это благословение!»

Впрочем, шутки в сторону: я знаю, что моя епархия не соответствует нормам Канонического права «от и до», вплоть до последней «точки над і». Нас немного: 20 000 католиков на 52 миллионов жителей — меньшинство, составляющее менее 0,05%. Здесь почти нет руководящих органов. Для официальных консультаций у меня есть генеральный викарий и шесть деканов, но на практике я советуюсь и с другими священниками, монашествующими и мирянами. У нас хорошая Катехетическая комиссия. А в офисе, в «курии», нас трое: монахиня, исполняющая обязанности эконома и секретаря, генеральный викарий и я, хоть я и провожу более половины своего рабочего времени вне офиса.

Некоторые аэропорты здесь, на Юго-западе России, закрыты уже в течение нескольких лет. Я много езжу на машине, когда посещаю приходы. Некоторые поездки занимают у меня два дня в одну сторону. Площадь епархии составляет 1 342 807 квадратных километров — примерно столько же, сколько площадь Португалии, Испании, Франции и Германии вместе взятые. 24 населённых пункта епархии, в которых есть католические священники, удалены друг от друга на огромные расстояния, словно оазисы в пустыне.

Раз в год я приглашаю всех священников и монашествующих на пятидневную душепастырскую конференцию, потому что одиночество может стать невыносимым. В эти дни мы организуем лекции для повышения квалификации, а также время для совместной молитвы, обмена опытом и отдыха. Эти встречи очень важны как для отдельных людей, так и для нас как епархии, чтобы мы могли продолжать идти одним путём вместе. Четыре раза в год я прошу всех собираться на уровне деканата. В последние годы акцент пастырской работы сместился с детей и молодежи на семьи.

Как я уже говорил, наши приходы расположены на расстоянии сотен километров друг от друга. Часто верующие не знают свой соседний приход. Но можно сказать, что тот, кто является католиком, является таковым не случайно. Атмосфера в наших приходах тёплая и гостеприимная. Куда бы я не приезжал, меня принимают как члена семьи, без каких-либо оговорок, хотя многие прихожане бедны.

Например, когда я еду на юг или северо-восток епархии для уделения таинства миропомазания, это более 1000, а иногда даже 1500 километров. У нас здесь нет скоростных автомобильных дорог. Иногда мне требуется два дня, чтобы добраться туда и два дня, чтобы вернуться. Можете себе представить, сколько времени остается на офисную работу.

Я считаю, что моя епархия – самая красивая в мире, и не только из-за людей. Северный Кавказ с горой Эльбрус высотой 5 642 метра и Астрахань, расположенная, на 28 метров ниже уровня моря... А ещё Чёрное море, реки Волга и Дон, границы с Казахстаном, Грузией и Украиной, степь и Уральские горы...

Вопрос: Как изменились Ваша епархия и жизнь на юге России за те более чем два десятилетия, что Вы служите епископом?

Ответ: Что ж, мы не можем похвастаться своей многочисленностью. Любой, кто заглянет в «Annuario Pontificio», ватиканский статистический ежегодник, обнаружит, что число наших прихожан постепенно сокращается.

У нас было и остаётся очень мало местных священников. Почти все наши священники по-прежнему иностранцы. Я благодарен им за их готовность идти на жертвы, потому что условия жизни здесь для большинства из них менее комфортны, чем в их родных странах. Более того, большинство из них не получают зарплату и живут на пожертвования от Мессы и небольшие гранты.

В настоящее время в семинарии в Петербурге не обучается ни один молодой человек из нашей епархии. Иностранцы возвращаются домой по состоянию здоровья или по возрастным причинам. Некоторые из них были выдворены в последние годы. Монашеские общины (особенно женские) закрывают свои дома. И за 30 лет свободы нам так и не удалось поставить Католическую Церковь в России на ноги. Раны, нанесённые преследованиями в прошлом веке, оказались глубже, чем мы ожидали. К священникам здесь обращаются

«Отец» не только из уважения, но и потому, что многие после трудного детства ищут доброго отца...

Я не хочу, чтобы это прозвучало пессимистично. Но это правда, что пастырское служение в России — тяжёлый труд, если относиться к нему серьёзно, — так же верно, как и стократная награда, которую Иисус обещает Своим служителям уже сейчас (Мк 10, 29-30).

Мы устали, что, безусловно, также связано с ситуацией в мире. Иногда я молюсь: «Господь, не забывай, что в конечном счёте на карту поставлена Твоя Церковь!» И хотя некоторые люди полагают, что я говорю это слишком часто, повторю ещё один раз: важно, чтобы мы оставались духовно бодрствующими.

Что изменилось? Я бы сказал, что трудно ответить на этот вопрос односложно. После многих лет взлётов и падений приходская жизнь в крупных городах в какой-то степени стабилизировалась. При этом, как в наших приходах, так и в целом, детей становится всё меньше.

Из-за того, что в крупных городах России гораздо более высокие зарплаты (в епархии есть шесть городов-«миллионников»), мужчины по-прежнему вынуждены ездить туда на недели и даже месяцы, что негативно сказывается на сплоченности семьи. Будучи религиозным меньшинством, а также учитывая огромную территорию нашей епархии, холодные зимы и большое количество нуждающихся прихожан, мы не редко полагаемся на пожертвования извне. А это, конечно, сложная история во времена экономических санкций и подобных ограничений.

Вопрос: В марте Вы были избраны президентом Конференции католических епископов России во второй раз. Как Вы думаете, с какими самыми большими вызовами и возможностями сталкивается Католическая Церковь в России в целом?

Ответ: В ответ на этот вопрос сразу приходит на ум текущая ситуация: архиепископ Павел Пецци недавно подал в отставку. Двум епископам в Сибири в следующем году исполнится 75 лет. В Католической Церкви в Казахстане также два епископа достигли предельного возраста. Я считаю, что это представляет непростой вызов не только для Дикастерии по делам епископов в Риме, но и для нас как поместной Церкви на территории бывшего Советского Союза.

Я вижу серьёзный вызов, заключённый в синодальном процессе, который был инициирован Папой Франциском. Мне кажется, что во многих местах его всё ещё путают с демократизацией Церкви. Мы не начинаем «с нуля», но здесь не хватает определённого баланса: ни миряне не должны «носить на руках» священников, ни священники – свои приходы. Сказано: «Носите бремена друг друга» (Гал 6, 2). Синодальность означает «хождение вместе» — внимательно, по-настоящему, с любовью.

В этом контексте я также рассматриваю и первую часть главной заповеди [заповеди любви к Богу и ближнему – прим. ред.]. Секуляризация уже давно стала проблемой и внутри Церкви. Наверное, никто из нас не может сказать: «Ну, меня-то она не коснулась». Поэтому я вижу миссию Церкви в России так же, как и 35 лет назад, – с различием только лишь в деталях, – а именно: она в том, чтобы вернуть Иисуса Христа в Его собственный дом.

Это большое испытание – жить в стране, где люди говорят о «нашей» Церкви, но не имеют в виду мою. Наше положение находится где-то между терпимым и желательным. (В любом случае, я сталкиваюсь и с тем, и с другим в повседневной жизни.) И каждый из нас должен с радостью и всем сердцем принять такое положение, потому что, в конечном счёте, именно Господь поместил нас сюда.

Наш шанс, наши возможности – в сегодняшнем дне. Дело не в достижении впечатляющих статистических показателей, не в школах, детских садах, больницах или повышении зарплаты... Говоря по-простому, у нас есть шанс исполнить волю Бога сегодня. А если мы сделаем это, Он позаботится обо всём остальном.

The Pillar — независимое католическое онлайн-издание, основанное в 2021 году журналистами и канонистами Дж. Д. Флинном и Эдом Кондоном. Издание специализируется на исследовательской журналистике, аналитике и объяснительных материалах о жизни Католической церкви, Ватикане, церковном управлении и религиозных процессах по всему миру. Авторы позиционируют The Pillar как площадку для «серьёзной, честной и независимой католической журналистики», финансируемую преимущественно за счёт подписчиков.